

/ Вопросы психологии. 1998. №1. С. 128 - 145.

5. Хрестоматия. Обучение и воспитание детей «группы риска». Учебное пособие для педагогов классов коррекционно-развивающего обучения. Сост. В.М. Астапов, Ю.В. Микадзе. – М.: Институт практической психологии, 1996. – 224 с.

6. Эльконин Д.Б. Детская психология – М.: Учпедгиз, 1960. – 328.

Киселёв К.Л., аспирант кафедры литературы

*Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент Здольников.В. В.*

ТИП «РОКОВОЙ ЖЕНЩИНЫ» В ПРОЗЕ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

Творчество Леонида Максимовича Леонова в литературоведении принято считать «реализмом высокой точности»[1,с 8], а образы, созданные писателем, – яркими и убедительными носителями жизненной правды, раскрывающими типические характеры и обстоятельства. Все это так. Но есть в произведениях писателя и персонажи, отличающиеся, прежде всего, своей исключительностью, кажущимся житейским неправдоподобием и невозможностью найти прототипы в реальной действительности (а путь следования от создания образа к прототипу является основным для Леонова). Это образы «роковых» женщин, довольно часто встречающиеся в ранних произведениях писателя.

Характерно, что в леоноведении вышеуказанная проблема практически не получила освещения. Твердая убежденность большинства ученых, исследующих творчество писателя (В.А. Ковалева, Л.А. Финка, В.П. Крылова, Т.М. Вахитовой и других), в априорной значимости исключительно героев-мужчин привела к тому, что женские образы рассматривались весьма поверхностно. Желание же советских литературоведов свести творчество Леонова к социалистическому реализму, в принципе, не давало им возможности полноценного изучения персонажей, так сильно выбивающихся из канонов и рамок основного литературного направления советской эпохи. Поэтому главная задача нашей работы суть доказательство важности «роковых» героинь как для развертывания фабулы, так и для показа внутренних качеств главных персонажей Леонида Максимовича.

Кроме того, вне своей сюжетобразующей функции, вроде бы вторичной для общей идеи произведения, для Леонова «роковые» женщины являются самостоятельными и, я бы даже сказал, самодостаточными персонажами. Писатель из книги в книгу изображает притягательных для него героинь. Женщин, над которыми витает ореол судьбоносности, натур демонических, всегда трагически надломленных и мятущихся, способных сражать наповал и самим быть сраженными на взлете чувств и страстных побуждений. Именно в «роковых» героинях Леонова мы находим пульсирующую жилку романтизма, необычности, приподнятости над будничным, свойственному реалистическому творчеству великого русского писателя.

Первая попытка создания рокового женского характера была осуществлена Леоновым в ранней повести «Туатамур» (1922), стилизованной легенде, выдержанной писателем в духе татарских надписей времен Золотой Орды. Изображенная в ней прекрасная воительница Ытмарь, закончившая жизнь самоубийством после потери любимого, является объектом всепоглощающего вождения доблестного полководца Туатамура. Жизнь её насыщена абсолютной концентрацией чувств, максимальным напряжением физических и моральных сил, и это романтическое стремление гореть до конца чрезвычайно импонирует молодому Леонову. Трагическая развязка линии Ытмарь в повести, печальный итог роковых, хотя и возвышенных страстей, весьма характерна для творческого метода писателя, так как по меткому замечанию З. Богуславской, « трагедийность как эстетический угол зрения, как необходимая сфера познания жизни станет неотъемлемой чертой Леонова-художника»[2, с.14].

В двух других повестях 20-х годов (« Провинциальная история» (1927) и « Белая ночь» (1928) Л. М. Леонов рисует ещё несколько образов женщин, которые взрывают повествование своим мощнейшим воздействием на окружающих. Так ослепительная, хотя и сомнительная, грешная и духовно независимая Налька, вызывающая восхищение и яростный трепет в мужских персонажах, выступает едва ли не единственным светлым пятном среди мещанского обывательского болота «Провинциальной истории». Героиня же « Белой ночи» Анисья не обладает выдающейся внешностью: « в этой умной и упругой бабе было что-то от анисового яблока: одинаковые неприветливость, цвет и, наверное, вкусовая кислинка»[3, с.462]. Но, тем не менее, и в ней находится нечто неповторимое, настолько « роковое», что для поручика Пальчикова Анисья и вовсе становится грозным символом конца отжившей свое, агонизирующей России.

Следует отметить, что образы Ытмарь, Нальки и Анисьи при романтизированном, порой даже восторженном отношении к ним молодого Леонова являются статичными, в них не показана диалектика

души и состояний, может быть, как раз в силу ясно очерченной субъективности авторской позиции. Гораздо более полно и емко отображает Леонов полюбившейся ему тип в романах «Барсуки» (1924) и второй редакции «Вора» (1959), выявляя в них причинно-следственные связи и реальные жизненные обстоятельства становления «роковой» личности.

Образы Насти Секретовой («Барсуки») и Маши Доломановой («Вор») вполне можно сопоставить, при характерных отличиях находя общее в их судьбах, перерождении и в оценке Леоновым их житейских перипетий. Обе являются дочерьми богатых выходцев из народа (купца и мастера депо), красивыми и чистыми, искренними и настоящими. Обе переживают личную драму в юности (изнасилование Маши убийцей Агеем и разорение и унижение отца Насти революционной новьё). Обе ожесточаются под гнётом испытаний, становятся циничными, злыми и мстительными. Эти женщины вызывают единую реакцию: «душу с первого взгляда повлекло»[4, с.241], «с полувзгляда полонявшая навечно»[5, с.12]; их увлекающий за собой облик, «одно временно девственный и грешный, насмешливый и недоступный» [5, с.451], с поражающей силой притягивает к себе. Притягивает... чтобы оттолкнуть. Ведь и Машины «жгучая прелесть», «надменная тоскующая краса», и Настины «холодное горенье папороти», «огонь в снегу» носят деструктивный характер. Их желание поработить, духовные устремления весьма индивидуалистичны. Причём, если Настя порой действительно не может разобраться в своих помыслах, действуя скорее интуитивно, то у Маньки Вьюги в принципе красота сделалась приманкой для жертв, ум – средством трезво-холодного расчета психологически продуманных и тонких планов мщения.

Авторская позиция по отношению к обеим героиням резко отрицательная. Да и какой она может быть у Леонида Леонова, писателя с врожденным глубинным нравственным чутьем, четко разграничивающим понятия добра и зла? Ведь не зря же в реестре поступков Насти Секретовой значится бездумный расстрел ни в чем не повинных крестьян. Да и Маша, драмой жизни которой является проявленная в один «роковой» для нее момент невнимательность Митьки Векшина, своими действиями доказывает, что ничем она не лучше эгоиста Векшина. «Ведь вот ты какой, Митя, хуже смерти человеку причинишь и не заметишь. Ступил ему на сердце и прошел дальше по текущим делам»[5, с.112], - оскорблено говорит она бывшему возлюбленному. Сама же с момента обретения «рокового» статуса весьма осознанно шагает по головам и душам людей, принося все в жертву своей мстительности. Поэтому нам следует очень внимательно выделять леоновскую точку зрения на его героинь. В тех местах, когда вроде бы в объективное авторское повествование вмешиваются

восхищенные, едва ли не подобоострастные интонации, касающиеся «роковых» женщин, голос автора всегда отходит на второй план, заменяясь, следуя терминологии М. М. Бахтина, «зонами героев»: Митьки Векшина, Жибанды, Заварихина и других.

Помимо самостоятельного бытования в сюжете образы «роковых» женщин выступают у Леонова в качестве индикатора, высвечивающего доминантные качества и свойства главных героев его произведений. В контактах с ними выкристаллизовывается сокровенная сущность мужских персонажей, зачастую остающаяся в тени водоворота событий и идей. Жестокость и антигуманность Туатамура, низменность и пошлость Ахамазикова, трагическая надломленность и благородство Пальчикова, незащищенность и ранимость Мишки Жибанды, растерянность Семена Рахлеева, безмерный индивидуализм Митьки Векшина – все самое характерное в них проявляется в столкновении с «роковыми» героинями. Эту изобразительную функцию «роковых» женщин подчеркивал сам Леонов, не случайно сводя с ними главных героев в моменты их внутреннего разлада, душевных страданий и поисков.

Предвидим возражения в том смысле, что анализ романтических персонажей как *литературного типа* у такого ортодоксального реалиста, каким является Л. М. Леонов, – занятие малопродуктивное. Что ж, конечно, данные леоновские персонажи мы не можем назвать типическими в привычном понимании типа как «обобщенного образа человеческой индивидуальности, наиболее возможной, характерной для данной общественной среды» [6, с. 440]. Но следует заметить, что, ярко и концентрированно изображая объективную реальность, мир во всех его проявлениях и взаимосвязях, Леонов показывает нам и нечто выделяющееся из привычного течения будней, а именно – сокровенные тайны бытия. «Роковые» женщины, точнее сила их воздействия на окружающих, – одна из таких тайн, которая не поддается логике, да и не нуждается в ней, так как не все можно разложить на элементарные составляющие эмоции и страстей, подведя всю гамму человеческих отношений под общий знаменатель.

«Роковые» женщины весьма интересны Леониду Максимовичу как объект изображения. При этом они выполняют ряд отведенных им автором функций, одна из которых, – «высвечивать» образы главных героев. Будучи самостоятельными персонажами, они могут связать воедино разрозненные вроде бы элементы жизни, своей необычностью дополняя гармонию мира. Несмотря на свою исключительность, «роковые» героини Леонова обладают целым рядом сходных психологических качеств, свойств и особенностей характера (прежде всего, это касается образов Маши Доломановой и Насти Секретовой,

данных в развитии). Да и авторская оценка этих персонажей имеет много общего. Все это дает нам основания выделить совершенно особый, стоящий в стороне от общего русла, тип леоновской прозы – тип «роковой женщины».

Литература

1. Ковалев В. А. Этюды о Леониде Леонове. – М.: Современник, 1978.
 2. Богуславская З. Б. Леонид Леонов. – М.: Сов. писатель, 1960.
 3. Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Худ. лит-ра, 1981. – Т. 1.
 4. Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Худ. лит-ра, 1982. – Т. 2.
 5. Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Худ. лит-ра, 1982. – Т. 3.
 6. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987.
-

Корзунова Т. В., аспирантка кафедры педагогики

РАЗВИТИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СИСТЕМЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Одной из отличительных особенностей развития Республики Беларусь, а также других посткоммунистических стран на современном этапе является переход от тоталитарного общества к демократическому, от централизованной к рыночной экономике. А так как система образования всегда теснейшим образом взаимосвязана с развитием общества, его экономическими, социальными, политическими, духовными, культурными процессами и должна соответствовать социальному заказу конкретного общества, то естественно, что все происходящее в республике изменения существенным образом повлияли и на систему образования.

На сегодняшний день наблюдается кризис общества и государства в целом, который находит свое отражение и в образовательной практике. Как отмечает Е. Л. Евдокимова [3; 17], в настоящее время проблемы образования находятся в центре внимания правительств и общественности во всем мире, так как именно качество образования является одним из факторов, определяющих позиции государств в мировом сообществе. В Беларуси главой государства образование объявлено общенациональным приоритетом и закреплено в «Основных направлениях социально-экономического развития страны на 2001-2005 годы». Одним из путей повышения качества образования признаются реформы, причем сегодня происходит реформирование не только общеобразовательной школы, но и специального